

Виктор Кирюшин

г. Москва

Остановлюсь и лягу у куста,
Пока легки печали и пожитки,
На оборотной стороне листа
Разглядывать лучистые прожилки.

При светлячках, при солнце, при свечах
Мир созерцать отнюдь бесполезно:
В подробностях, деталях, мелочах
Не хаос открывается, а бездна.

Вселенная без края и конца
Вселяла б ужас до последней клетки,
Когда б не трепыхался у лица
Листок зелёный с муравьём на ветке.

Где тихая роща кончается
И звёзды ночуют в реке,
Стоит одуванчик,
Качается
На тонкий зелёной ноге.

Прощаются люди,
Встречаются,
Стихают шаги за окном...
Стоит одуванчик,
Качается
На маленьком шаре земном.

А в жизни чего не случается?
Обида –
И хлопнула дверь,
Стоит одуванчик,
Качается,
Над горечью наших потерь.

Как просто на свете отчаяться!
Но светлой надежде внемли –
Пока одуванчик
Качается
На тёплой ладони земли.

Скрипач

Где точит берег невысокий
Густая тёмная вода,
На струнах высохшей осоки
Скрипач играет иногда.

Смычок невидимый взлетает
В озябшей маленькой руке,
И, невесомая, не тает
Снежинка на его щеке.

Но услышать мотив нездешний
Не всем дано, и потому
Лишь опустелая скворешня
Внимает с берега ему.

Наивно требовать оваций,
Но даже зная что почём,
Невыносимо оставаться
Неоценённым скрипачом.

И он задумается грустно,
Иронизируя незло,
Что лишь сочувствие - искусство,
Всё остальное - ремесло.

Стая

Тьма воронья в озябшей кроне,
И так шумлив гортанный хор,
Как будто птиц не стало, кроме
Вот этих, сбившихся на ор.

До сплетен всяческих охочи,
Томимы жаждой барыша,
Они с утра до поздней ночи
Галдят, отбросы вороша.

Не лезь в разбойничью породу,
Подальше выбери приют!
Здесь чужака не примут сроду:
Забьют, затравят, заклюют.

Здесь и своим порой несладко:
От гибели на волосок,
Когда внезапно вспыхнет схватка
За подвернувшийся кусок.

Война! Хотя последний житель
Тут с юных лет своих учён,
Что первым делом победитель
Стать новой жертвой обречён.

Родители

Есть город, улица и дом
В заснеженном саду.
Дверь открывается с трудом,
Но я в неё войду.

Войду, как в молодость свою,
В зелёный дом с крыльцом.
В том полупризрачном краю
Живые мать с отцом.

На склоне сумрачного дня
Присяду к ним за стол.
«Простите, милые, меня
За то, что долго шёл.

За вашу вечную печаль -
Тревогу обо мне,
За то, что падал невзначай
По собственной вине.

Грешил и попусту горел,
В аду бывал, в раю,
А вас теплом не обогрел
У жизни на краю.

Готов принять и кнут, и суд,
Ведь оправданий нет...»
Ни слова не произнесут
Родители в ответ.

Гудит-дымится за стеной
Одна из долгих зим...
Как разочтётся жизнь со мной,
Уже известно им.

Старухи

По хлябям невообразимым,
Полдня промаявшись в лесу,
Грибов бездонные корзины
Старухи вечные несут.

Боровики белее сала,
Маслята под любой ранжир...
В райцентре, около вокзала,
Их купит бойкий пассажир.

Метнёт помятые купюры
И пожурит со стороны:
«Ах, бабы-дуры, бабы-дуры,
Такому чуду нет цены!»

Прими спасибо за подарок.
Так не накопишь сроду, мать». «Хоть невелик, а всё ж приварок, -
Ответит. - Внуков поднимать».

Перрон пустеет понемногу,
И в поле не видать ни зги.
Пора в обратную дорогу.
«А ну, Матрёна, помоги!»

Забыв про годы и недуги,
Бредут по всем путям страны
Её кормилицы-старухи
Им нет цены! Им нет цены!

Когда бесправие царит
И зло угрюмо дышит в лица,
Боящийся не говорит,
А говорящий не боится.
Но есть и хуже времена -
Всеговорения как цели.
Такой свободе грош цена,
Как и словам на самом деле.